

Джаз, четыре дня хорошей погоды

РЕПОРТАЖ

Моск. новости. - 1994. -
17 июля. - с. 20.

РАЗБОР

Наконец появившиеся солнышко, голубые небеса и температура под 30 позволили организовать в первый же фестивальный день классический «стрит-парад». Шествие двинулось по набережной Москвы-реки под традиционные «Суит Джорджия Браун», «Хай сосайети», «Сан-Луи блюз» и прочие полагающиеся темы... Уличные торговцы и вышедшие погреться на солнышке охранники из валютных баров «России» взирали с изумлением.

Москва от джаза поотвыкла. Экономика сделала то, чего не могла добиться когда-то идеология, — джаз почти не различим в столичном музыкальном спектре. Последний большой международный фестиваль был в 1990 году с Фредди Хаббардом, Бенни Голсоном, Брэнфордом Марсалисом, Чико Фримэном и загадочным Сан Ра... Но тогда цены на транспорт и гостиницы были еще божескими... Фестиваль-92 Юрий Саульский и его джазовое агентство вынуждены были отменить в последний момент: не хватило денег.

И вот сейчас Саульский и его команда решили провести фестиваль во что бы то ни стало. Хотя срывов и отказов снова было не-

«драйв»... Блеснула и старая знакомая лундстремовского оркестра (это, кажется, уже пятая их встреча) — чернокожая вокалистка Дебора Браун. Если добавить еще бельгийского тромбониста Фила Абрахама — вот и все зарубежное представительство. Увы, не смогли приехать Бетти Картер, Джо Завинул, Билли Кобэм (а первоначально планировался аж Джерри Маллиган)...

Ну а наши музыканты?

Лундстрем играл, как говорится, «в свою силу». Хотя, как мне кажется, он не очень точно выстроил свою программу второго дня: надо было убирать вокальные номера, они явно «не пошли» в этот вечер. Зато чрезвычайно понравилась мне панорама

В ГЦКЗ «Россия» прошло двухдневное мероприятие, названное «II Московский международный фестиваль джаза, посвященный 60-летию оркестра Олега Лундстрема и внесению его в Книгу рекордов Гиннесса». Формально все признаки государственного мероприятия: личное присутствие министра Сидорова (с шуткой: «Диксиленд рифмуется с диссидент». — «Рифмовались!» — поправил г-на министра голос из хора); обязательные упоминания всех званий и титулов, длинный перечень организаторов и спонсоров, намеки на то, что один из участников удостоился аудиенции у самого президента Ельцина, когда аккомпанировал джазмену по имени Билл Клинтон.

Реально же, как всегда, всем занимался один энтузиаст, Юрий Саульский, представляющий Московскую джазовую ассоциацию, в свою очередь, чем-то связанную с АО «Госко» (б. Госконцертом).

И соответственно номенклатурная возня с распределением — о веяние времени! — не дорогах, а дешевых билетов на Рэя Чарльза и бездушно-малограмотные отклики в прессе, например, в почтенной «Сегодня» от 14 июля перевернуто большинство имен и фактов, но зато ползаетки занимает дотошное перечисление всех спонсоров, организаторов и их прошлых заслуг.

На открытии фестиваля, как это у нас заведено, много говорили, но коротко и ясно выразился только знаменитый питерский музыкант и владелец лучшего в стране джаз-клуба Давид Голощекин: «В 1957 году мне было тринадцать лет, и концерт Лундстрема был для меня тем потрясением, после которого я окончательно решил стать джазовым музыкантом». Между прочим, автор этих строк начал свою карьеру в 1967 году со статьи в «Музыкальной жизни», симптоматично названной «10 лет оркестру Олега Лундстрема»; в те годы сами братья Лундстремы предпочитали вслух не вспоминать о своей шанхайской предыстории.

Когда другие так называемые джаз-оркестры, даже «белого Армстронга» — Эдди Рознера, потешали публику в лучшем случае «Серенадой солнечной долины», Лундстрем — как Кутузов у Толстого — не столько вел свои войска, сколько не мешал им идти в ногу со своим временем: так появились в его репертуаре и «Шекспировская сюита» Эллингтона, и концерты Игоря Якушенко, и аранжировки Виталия Долгова.

Формально ко II Московскому джаз-фестивалю были приурочены и два концерта Рэя Чарльза, но организаторы его гастролей почти демонстративно дали понять, что к фестивалю они отношения не имеют; да и сам маэстро явно не подозревал, что участвует в весьма торжественном мероприятии, во всяком случае о нем ничего не было ни в программках, ни в англоязычном представлении «гения соул-музыки», а единственный логотип фестиваля примостился где-то в неприметном даже для зрячих углу сцены.

Это, впрочем, предмет отдельного разговора.

Но что бы там ни говорили о Рэе Чарльзе, а первооткрыватель чуть ли не всей черной поп-музыки послевоенного полувека достиг уровня легендарного народного сказителя, который — пусть и несколько давным голосом — рассказывает все те же самые до боли знакомые сказки. А мы все равно слушаем его с замиранием сердца, потому что с каждым разом он рассказывает их лучше, чем до этого.

Вот две сцены из жизни джазовой богемы.

Сцена первая. На пресс-конференции Дебору Браун, легко и непринужденно певшую и с оркестром, и с собственным аккомпанементом на фортепиано и джазовую классику, и свои собственные вещи, какой-то гражданин с почтенными сединами и очень большим магнитофоном на полном серьезе спрашивает:

— Скажите, а в Америке оркестры уровня Олега Лундстрема есть?

Естественное замешательство даже выдавшей виды журналистской братии, пауза драматической продолжительности, и, наконец, единственно возможный в подобном случае ответ:

— Ну что вы, разве можно сравнивать!

Сцена вторая. Битком набитый и душный, как автобус в часы пик, зал ЦДРИ, где проходит джем-сешн. Поэтому все периодически выходят на улицу подышать относительно свежим воздухом московского центра. Но на обратном пути автору этих строк и еще двум-трем аккредитованным корреспондентам вход преграждает устрашающего вида особа, по виду из далекого коммунистического прошлого и, кажется, даже женского пола:

— А прессы у нас и так достаточно!

Ну раз достаточно, то ни слова больше о джем-сешн! Хотя именно на таких вот встречах в своем кругу, запланированно, но все равно спонтанно и совершается чудо джазового общения. А уж тем более если не было возможности высказаться собственноручно перед публикой, как это случилось с подавляющим большинством и гостей, и хозяев фестиваля. Специально прибывший из Баку вокальный квартет «Гайя» вообще сократили до одного номера, Алексею Козлову пришлось уверять прессу, что его вальжанные обработки Форе и Рахманинова — это заготовки для совместных выступлений с Юрием Башметом, но отнюдь не все, чем он продолжает заниматься. Точно так же Фил Абрахам, которого в буклете записали в одну компанию с авангардистом Альбертом Мангельсдорфом, успел показать лишь, что с коллективом Лундстрема у него сложилось полное взаимопонимание.

Естественно, что в ситуации цейтнота мало кто хотел рисковать: все опирались либо на беспроигрышную классику, либо на свои коронные номера, поэтому запомнились лишь обманчиво-простой «Ночной танец» Бриля, неожиданно темпераментные (но явно недооцененные) «Квинтоли для Билла Эванса» Германа Лукьянова, прятные вокализы Сергея Манукяна, эффектное раздвоение Лью Табакина почти на две независимые личности: на саксофоне он реставратор джазовой классики, а на флейте — историк-этнограф, бережно относящийся и к академической музыке, и к восточному фольклору.

Напор пианиста Сергея Жилина (видимо, не только звуковой) способен в самом деле покорять — и, как выяснилось, не только президентов, но и юных барышень, притом прехорошеньких.

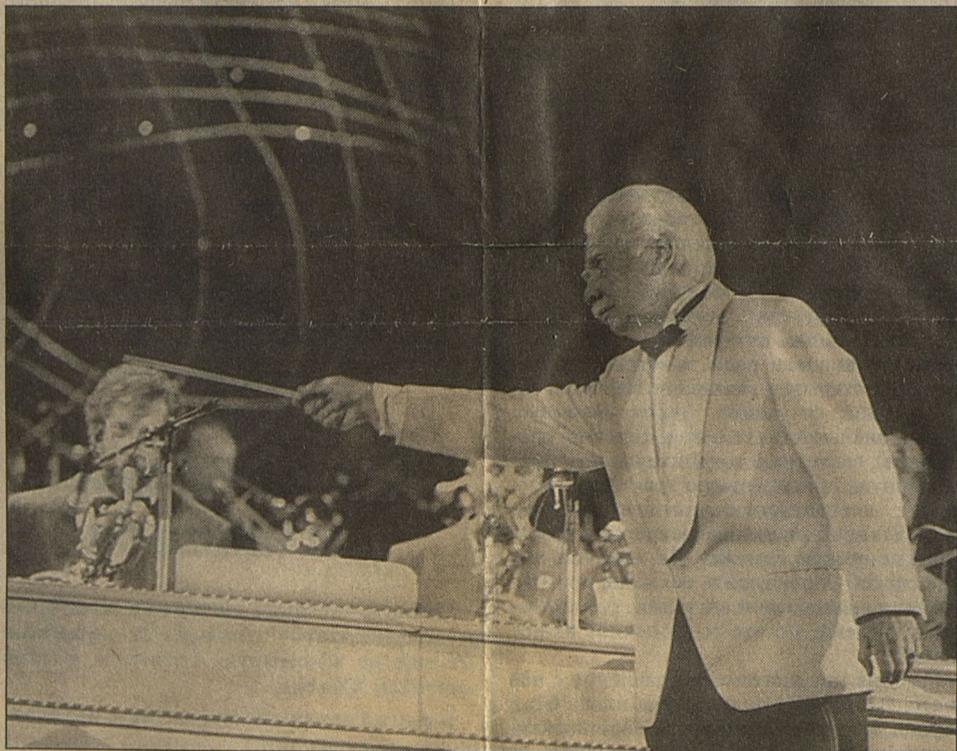
По своему звездному статусу американский квартет Игоря Бутмана удостоился целого отделения и поэтому смог доказать, что, несмотря на все мифы об убийственной конкуренции, талант — он и в Америке талант. Из наших музыкантов Бутман добился того, о чем мечтают многие, но удается лишь единицам: быть на равных среди лучших.

Сам Игорь находит свое выступление в Москве очень удачным и хотел бы продолжать работать и с ударником Томми Кэмпбеллом, и с пианистом Джо Кальдераццо, с которыми встретился впервые в Москве после часового обсуждения программ по телефону в Нью-Йорке (это к вопросу о профессионализме).

Так что если организаторы хотели еще раз доказать, что джазовая география, как и в 30-е и 50-е годы, все еще делится на столицу, Нью-Йорк, с одной стороны, и провинцию, то есть все остальное человечество, — с другой, то они это с блеском доказали.

И все же за четыре года, отделяющих первый московский международный (когда этот титул еще присуждался ЦК) от второго, выросло новое поколение и даже появились джазовые династии: сын играющего у Лундстрема пианиста Михаила Окуня Яков занимает теперь место своего отца в трио Лукьянова, с Брилем на саксофонах играют его сыновья-близнецы и уже, кажется, ни в чем отцу-педагогу не уступают. У курского виртуоза Леонида Винцкевича появился ученик Рафил Минеев, который пойдет далеко, если не будет придавать излишнего значения овациям фестивальной публики.

Ну а если им понадобится пройти еще и курс джазовой академии, то биг-бэнд Лундстрема предоставит им нужную практику.

Дирижирует Олег Лундстрем.

мало. Пришлось пойти на рискованный номер — объединить собственно фестиваль с акцией «Госко» — двухдневным выступлением в Москве великого певца и шоумена Рэя Чарльза. Сам же фестиваль планировался как акция, связанная с 60-летием оркестра Олега Лундстрема. Это действительно потрясающая дата: в мире нет сейчас ни одного функционирующего биг-бэнда, который проработал бы на сцене столько лет. По этому поводу планировался приезд друзей оркестра (Гюнтер Шуллер и др.), но, увы, большая часть всего, что планировалось, отпала по разным причинам...

В итоге получилось то, что получилось. Были сильные, новые для большинства любителей джаза имена, была интересная музыка. Прежде всего я отметил бы российский-американский квартет Игоря Бутмана, «нашего человека в Нью-Йорке». Бутман был отличным инструменталистом еще в свои «советские годы»; за семь лет, проведенных в Штатах, он заметно вырос. А какую тройку музыкантов он привез с собой! Джо Кальдераццо (рояль), Харни Суорц (бас), Томми Кэмпбелл (ударные) — исполнители просто фантастические.

Саксофонист Лью Табакин — жесткий, экспрессивный джаз, мощная «энергоснабжаемость», напор, стремительность. Плюс ощущение свободы, «полетности» — то, что джазмены обозначают на своем жаргоне

под названием «Звезды российского джаза и новые имена». Ветераны (Алексей Кузнецов, Игорь Бриль, Герман Лукьянов, Алексей Козлов) плюс молодежь. Каждый солист или группа играли минут по двадцать. Для музыкантов такой «формат» труден (попробуй-ка раскрыться за четверть часа), а вот для слушателя форма «дайджеста» оказалась емкой и удобной.

Ну, наконец, Рэй Чарльз.

Тут действительно понимаешь — вот он, этот американский шоу-бизнес... Рэй Чарльз чувствует сцену, оркестр за спиной, чувствует публику; он поет, аккомпанирует вокальному квинтету, шутит с аудиторией, просто весело болтает, проказничает. Программа давно составлена, все узлы и спеления намечены, все давно обкатано, а ощущение, что музыка рождается спонтанно, вот сейчас, на наших глазах. Мы любим этого человека, мы ему верим. Мало того — мы его обожаем. Потому что все: голос, звуки, извлекаемые из инструмента, жесты, восклицания, — все тут же становится Музыкой. И совершенно неважно, что некоторые номера программы сладковаты. Когда имеешь дело с артистом такого калибра, материал не основа, а повод, важен сам мистер Рэй Чарльз. Гений.

Аркадий ПЕТРОВ

Дмитрий УХОВ